

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 19-го декабря 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10172.

РАБЪ.

(Силуэтъ).

Гости разъѣхались. Огни въ люстровѣ и бра потухли. Только одинъ канделляръ бросалъ на большую комнату трепетный свѣтъ. Огь пиршства оставались только залитыя виномъ скатерти, покрытыя жиромъ тарелки, груды костей—трофеи мужчинъ и женщинъ, обладавшихъ здоровыми зубами и великолѣпнымъ аппетитомъ, недопитые бокалы вина, да вилки и ножи, разбросанные по столу въ беспорядкѣ, такъ что, еслибы судить по нимъ, казалось бы, что кто то ъль двумя вилками сразу, а кто то обходился совсѣмъ безъ вилки и ъль съ ножа. Пахло виномъ, потомъ, духами женщинъ и сигарами мужчинъ. Все это вмѣстѣ кружило голову, собенно послѣ длинного вечера, веселыхъ тостовъ, танцевъ, поздравленій, рѣчей.

Порошинъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла и сжимая руками голову.

Голова у него болѣла, но по лицу, блѣдному отъ выпитаго вина, бродило удовольствіе. Пріятно было чувствовать, что вся эта орава несимпатичныхъ людей, которую онъ долженъ былъ звать на свадьбу, теперь далеко, и они съ Зиной одни. Пріятно было чувствовать, что день свадьбы, тяжелый и трудный день по многимъ обстоятельствамъ, прошелъ ровно и гладко, безъ непріятностей, и уже былъ за плечами, какъ бываетъ къ вечеру за плечами путника тяжелый и трудный путь.

— И „папахенъ“ не сбѣвился на нашемъ пиршествѣ, какъ тѣнь Банко, какъ тать въ ноши,—чуть-чуть улыбнулся Порошинъ,—а я его поджидаль: вотъ вотъ явится и отмочитъ какую нибудь чепуху.

Порошинъ считалъ своего отца тяжелымъ человѣкомъ; старикъ былъ угрюмъ и молчаливъ, но когда выпивалъ двѣ три рюмки водки, глаза его зажигались недобрѣмъ огнемъ, по гугамъ пробѣгала злая усмѣшка, и изъ молчальника онъ становился говоруномъ и старался говорить все больше непріятныя вещи.

— Скажи, братъ, въ кого ты уродился такимъ?—спрашивалъ онъ, долго и пристально вглядываясь въ сына.

— Какимъ?

Старикъ пожималъ плечами.

— Ну, однимъ словомъ, такимъ...

— Не понимаю.

— Врешь, понимаешь! До тонкости. Зачѣмъ тебѣ хочется заставить меня говорить непріятныя слова?

— Вовсе мнѣ этого не хочется.

— Хочется, братъ! Ну, пролазомъ, что ли? Въ роднѣ у насъ, Господь Богъ миловалъ, пролазовъ никогда не было, а ты... ты изъ нихъ. Оно, конечно, для карьеры это полезно, нельзя отрицать, но для души—не тае, братъ. Въ твои годы, я помню, мы о карьерѣ не думали.

— И кончили хорошо?

— А чѣмъ же плохо?

Это было не совсѣмъ вѣрно; старику приходилось всю жизнь переходить съ мѣста на мѣсто, переѣзжать изъ одного города въ другой городъ и, наконецъ, совсѣмъ оставить службу по „неуживчивому характеру“, какъ объ этомъ съ легкой усмѣшкой говорило его послѣднее начальство, очень охотно избавившееся отъ беспокойнаго старика. И самъ онъ зналъ, что кончилъ неважно. И потому, стараясь бодриться, добавлялъ:

— Ну, что же, карьеры мы, можетъ-

Ему показалось, что самымъ подходящимъ восклицаніемъ теперь было бы: „Сезамъ, отворись!“ Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

За дверью послышался голосъ жены.

— Кто тамъ?—спросила Зина.

— Это я. Отоприте, Зина.

Голосъ смолкъ; было слышно, что Зина подошла къ двери; тяжелый шлейфъ волочился за ней и шуршалъ, какъ отъ легкаго вѣтра по осени шуршатъ въ старомъ паркѣ желтые листья. Минута прошла въ молчаніи. Затѣмъ Зина спросила:

— Послушайте, съ ума вы сошли? Что вамъ нужно?

Порошинъ смущился.

— Но... Зина... вѣдь, я же мужъ вашъ...

— Нѣть, вы рѣшительно таки сошли съ ума!

Ключъ въ замкѣ щелкнулъ, и дверь отперлась.

Новобрачный хотѣлъ переступить порогъ, но въ дверяхъ, загораживая ихъ, стояла Зина. Ея брови были нахмурены, губы плотно скаты, и лицо не предвѣщало ничего добра. Она показалась мужу похожей на сердитую богиню, едва ли умѣвшую смотрѣть нѣжно, цѣловаться.

— Потише!—сказала она.—Не смѣйте переступать за порогъ. Что вамъ нужно? Какъ смѣете вы стучать ночью въ дверь и беспокоить меня? Вы хотите, чтобы завтра же я пожаловались на васъ Ивану Платоновичу, и чтобы онъ распекъ васъ за небрежное отношение къ принятymъ на себя обязанностямъ и прочія неисправности по службѣ?

Когда она говорила о неисправностяхъ по службѣ, лицо ея освѣтилось, подбородокъ заложилъ отъ смѣха, а въ глазахъ блеснули огоньки.

— Вы смѣетесь, Зина?

— Не думаю. Но вы скверно кончите, Викторъ Петровичъ, если будете относиться къ службѣ такъ легкомысленно,—моя обязанность, какъ хорошей жены, предупредить васъ. Что это? Чго съ вами? Вы-жъ, кажется, не мальчикъ.

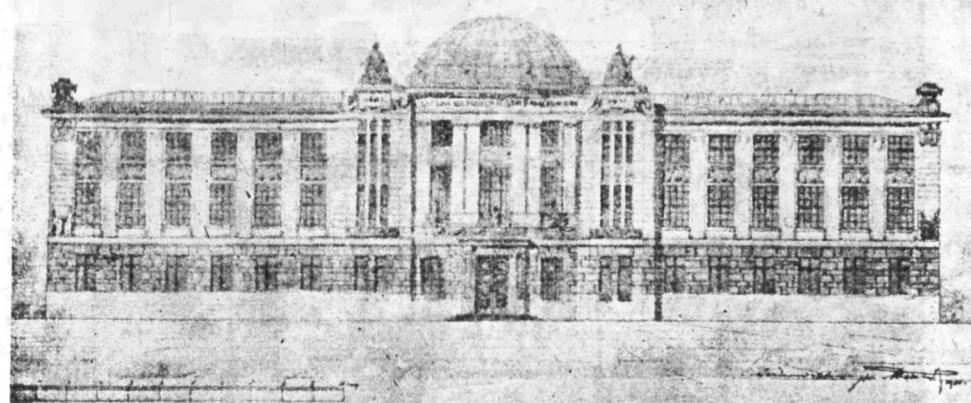
Порошинъ печально посмотрѣлъ на жену.

— Я не мальчикъ... но я вашъ мужъ, Зина.

— Да?

Зина поморщилась.

— За это вы получили повышеніе по службѣ, и вамъ значительно увеличили окладъ. Вѣдь, кажется, такъ нужно говорить объ этихъ вещахъ на вашемъ служебномъ жаргонѣ? Вы далеко шагнули въ нашемъ банкѣ. Всѣ ваши служебные счета оплачены, и вы должны

Новый домъ медицинскаго Общества.

быть, и не сдѣлали, но „подлеца“ мы ни отъ кого не слыхали всю жизнѣ!

Послѣднее время „папахенъ“ сталъ что-то особенно пристально приглядываться къ сыну; у него было какое то странное, необъяснимое чутье.

— Эге,—говорилъ онъ.—Какой великолѣпный проборчикъ! Женихъ, чистый женихъ.

Онъ прищуривалъ лѣвый глазъ и добавлялъ ядовито:

— Смотри, на „штучкѣ“ Ивана Платоныча не женись!

И у сына свалилась съ плечъ большая тѣжесть, когда за мѣсяцъ до свадьбы старики отправился стеречь глухую усадьбу, владѣлецъ которой, его старый пріятель, долженъ былъ ъхать заграницу съ большой женой.

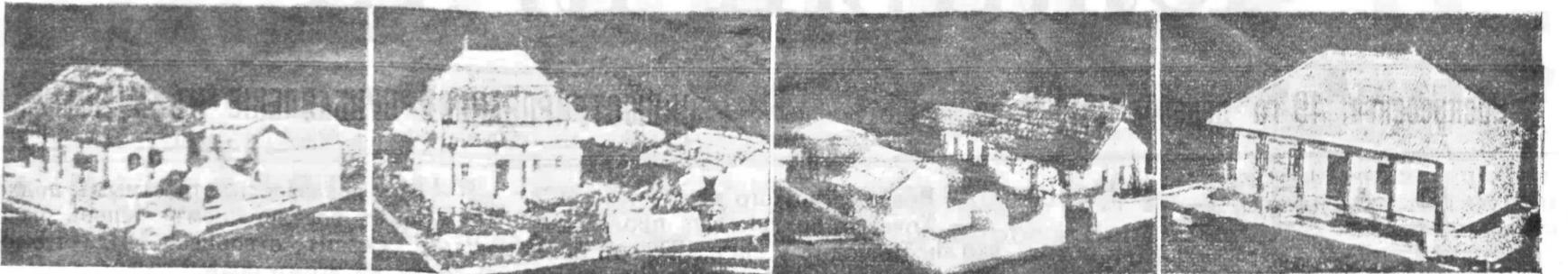
— Да... и „папахена“ не было, и все прошло хорошо!—повторилъ Порошинъ.

Онъ потянулся, провелъ рукой по волосамъ и подошелъ къ двери, которая вела въ комнаты жены.

Дверь была заперта.

Порошинъ улыбнулся и постучалъ въ дверь.

КЪ СТОЛЪТЮ БЕССАРАБИИ.

Българска (Гагалска) усадьба въ
Бендерскомъ уѣзде.

Молдавская усадьба въ Кишиневе. Усадьба бессарабского немца-колониста

въ Аккерманскомъ уѣзде.

благодарить Бога за такой прекрасный, за такой быстрый расчетъ. Иванъ Платоновичъ аккуратно расплачивается по всемъ счетамъ и векселямъ, а мнѣ кажется, что вы намѣреваетесь представить еще какіе то векселя къ уплатѣ? Не хорошо. „Нельзя одобрить!“, какъ сказала бы Иванъ Платоновичъ. Вообще, если ваша служба такъ же хорошо пойдетъ и впередъ (а почему бы ей и не идти такъ?), вы лѣтъ черезъ пять будете однимъ изъ директоровъ. Развѣ это вы считаете ни во чѣ? И вдругъ по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ вы начинаете портиться.

Молодая женщина съ сожалѣніемъ,—быть можетъ, и дѣланіемъ—пожала плечами.

— А еще недавно вы были такимъ образцовымъ, такимъ многообѣщающимъ работникомъ въ нашемъ банкѣ! Что измѣнило васъ?

— Вы виноваты въ этомъ, Зина! Вы...

Лицо новобрачной потемнѣло.

Она еще суроѣе сдвинула бровки и спросила:

— То есть?

— Я люблю васъ, Зина...

— А, вотъ оно что. Это любопытно. Обѣ этомъ стоитъ поговорить. Но намъ неудобно разговаривать стоя... Я возьму кресло. Вы прокатите, свое. Это будегь лучше!

— Сядемъ въ... вашей комнатѣ, Зина?

— Нѣтъ.

Она схватила кресло и потащила къ двери; онъ сдѣлалъ то же.

Мужъ и жена сѣли другъ противъ друга. онъ—возбужденный, съ пылающимъ лицомъ, она—спокойная и блѣдная. Вытянувъ ножки, она казалась такой маленькой, почти дѣвочкой, чуть не съ головою ушедшей въ кресло, но въ ея взглядѣ было что то странное и властное, что то заславившее мужа глядѣть на крошечную женщину снизу вверхъ.

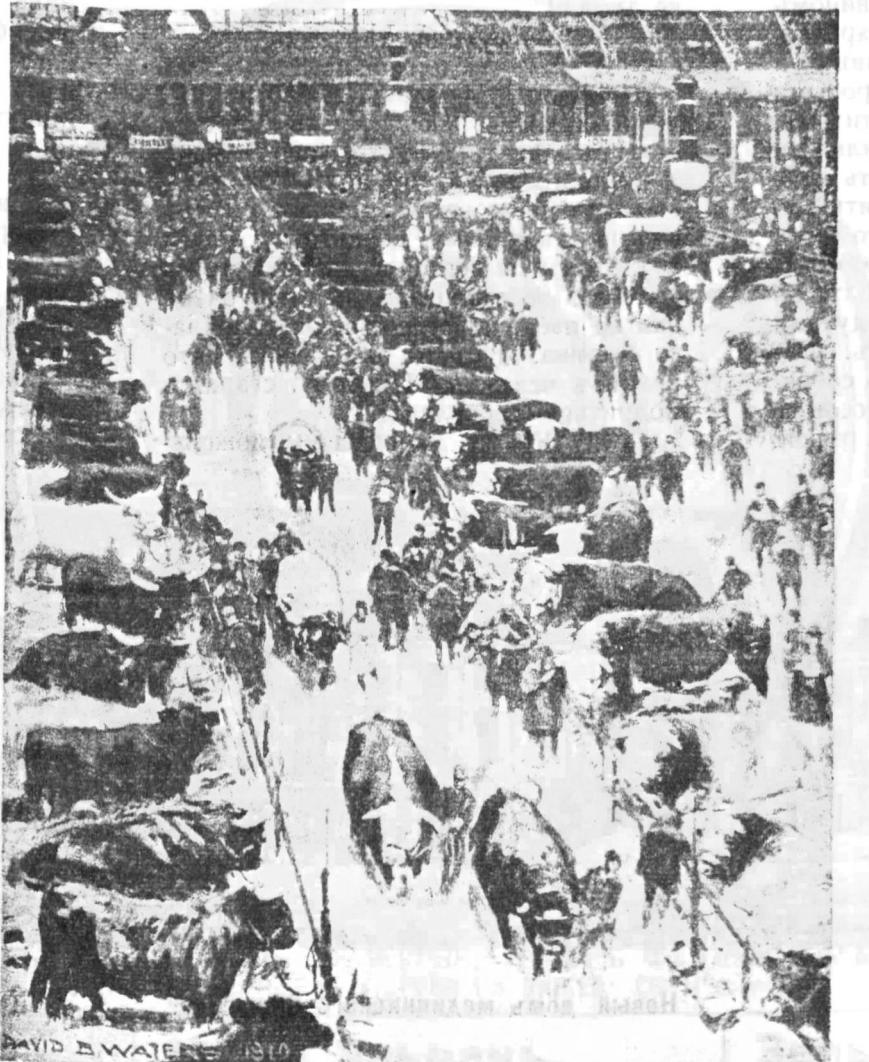
Новобрачная вздохнула, и опять подбородокъ ея задрожалъ.

— Итакъ, вы любите меня, Викторъ Петровичъ?

— Да, Зина.

— И давно уже?

Онъ опустилъ голову и молчалъ.

Рождественская мясная ярмарка въ Англіи.

— Это интересно. Это интересно потому, что когда-то я сама любила васъ, Викторъ Петровичъ. Но вы не обращали вниманія на бѣдную дѣвочку. Она была такая незамѣтная и неинтересная, хотя честная дѣвочка, которая могла каждому открыто и прямо смотрѣть въ глаза. Неужели ее такъ скрасила золотая грязь?

Онъ молчалъ.

— Удивительно. Женщинѣ обвиняютъ въ пристрастии къ нарядамъ, въ поклоненіи шелку, брилліантамъ и кружевамъ. Но, вѣдь, не вы ли, мужчины, виноваты въ этомъ? Отчего же вы не обращаете вниманія на дѣвочку въ ситцевой юбочкѣ и влюбляетесь въ нее, когда она кутается въ кружева?

Она потрогала тяжелое платье, отѣлланное дорогимъ валикъ-сеною, и сказала:

— Хорошее платье, славное кружево. Не правда ли? У Ивана Платоновича есть вкусъ...

мое занято“. Вы лгали бы мнѣ, какъ лгали бы ей, о своихъ успѣхахъ, но вашъ небрежный поцѣлуй все таки наполнилъ мое сердце блаженствомъ. Если бы вы знали, какъ я любила васъ, Викторъ Петровичъ!

— А теперь... неужели въ вашемъ сердцѣ ни, чего не осталось отъ прежней любви?

— Опомнитесь! Я зажму уши. Въ умѣ вы или нѣтъ? Что скажетъ Иванъ Платоновичъ, если я шепну ему завтра о вашихъ странныхъ рѣчахъ?

— Зина...

— Тсс... Вы рискуете въ конецъ испортить свою карьеру; я не ожидала отъ васъ такого легкомыслія. Вы—какъ будто не вы, а какой то отчаянныи, безшабашный человѣкъ. Не глупите. Неужели мѣсто директора... то есть, мѣсто одного изъ директоровъ, не ульбается вамъ?

Она бросила платокъ, у которого теребила кружево, на колѣни и продолжала грустно:

— Иванъ Платоновичъ не любить шутить. Конечно, я не имѣю надѣй нѣмъ прежней власти, но въ обиду меня онъ не дастъ, и стоять мнѣ чуть-чуть на васъ пожаловаться, чтобы вы почувствовали его старые когти. Онъ умѣеть всѣхъ васъ, всю молодежь, держать въ ежовыхъ рукавицахъ. У этого маленькаго сѣденька старичка есть характеръ и воля. Знаете, я уважаю его за это. Онъ старенький, сѣденький—сила, а вы—молодые, здоровые, красивы—что то трусливое и робкое, какая то жалкая, ничтожная моль. Ффф... душеши на васъ, и вы дрожите.

Она поднялась съ кресла, покачала головой и сказала:

— Ну, а теперь прощайте. Поздно, пора спать. Да и все уже переговорено у насъ, все выяснено. Я добрая и... же-лаю вамъ пріятныхъ сно-видѣній; желаю вамъ увидеть себя однимъ изъ директоровъ банка во снѣ. На яву это будетъ послѣ, а пока—во снѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее умоляющими глазами.

— Я люблю васъ, Зина,—прошепталъ онъ.

— Тсс... тише... что скажетъ Иванъ Платоновичъ?

Она съ дѣланіемъ ужасомъ развернула руками, медленно откатила кресло отъ

Среди друзей.

Евреи въ Йерусалимѣ.

двери, медленно вернулась и кивнула головой.

— Спокойной ночи!

Дверь захлопнулась, ключъ щелкнулъ, пока Викторъ Петровичъ стоялъ въ нерѣшимости передъ дверью, не зная, что предпринять. Все было кончено. Но вдругъ за дверью раздался голосъ Зины.

— Викторъ Петровичъ, подите ка-

на минутку сюда: у меня есть сказать вамъ что то.

Викторъ Петровичъ поднялъ голову.

— Что, Зина?

— А знаете, я вѣсь обманула.

— Чѣмъ?

— Вѣдь, въ моемъ сердцѣ даже до сихъ порь что то таилось къ вамъ, Викторъ Петровичъ. И будь вы смѣлы и храбры, искра вспыхнула бы, и, быть можетъ, разгорѣлась бы пламя. Мы грязные люди, но и грязнымъ людямъ возможно счастье. Не правда ли? Знаютъ же счастье пауки, соловьи, летучія мыши, змѣи, до которыхъ противно коснуться.

Можетъ быть, счастье очистило бы насъ отъ грязи,—кто знаетъ? Говорятъ, что любовь очищаетъ, какъ огонь. Мы уѣзжали бы отсюда куда-нибудь далеко, туда, где бы насъ никто не зналъ, Викторъ Петровичъ. Но, теперь—конецъ. Надѣяться не на что...

— Зина!

— Вы рабъ и трусь. Вы говорите о любви, однимъ глазомъ смотрите на любящую женщину, а другимъ—не подсматриваетъ ли за вами Иванъ Платоновичъ, могущій лишить васъ благъ, которыхъ вы такъ жаждете. О, какъ вы ничтожны, какой безнадежный рабъ! Ступайте и спите. Вы непремѣнно будете директоромъ банка. Предсказываю, что вы непремѣнно будете имъ...

Голосъ Зины сорвался и задрожалъ. Въ немъ послышалось что то новое... быть можетъ, слезы.

— О чёмъ?

А. Грузинский.

Малоизвѣстный эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого.

Послѣ покойного Андреева-Бурлака, говорить „Утро Россіи“ сохранился разсказъ о томъ, какъ въ Симбирскѣ прѣѣхала какая-то петербургская дама съ мужемъ. Положи къ памятнику Карамзина, огороженному желѣзной решеткой, супружеская чета, вслѣдствіе своей близору-

кости, несмотря на все старания, никак не могла прочесть, кому же воздвигнуть этот монументъ.

— Когда вернемся домой,—обратилась петербургская дама къ мужу,—пожалуйста, не забудь спросить объ этомъ кузена: онъ химикъ,—онъ все знаетъ.

По мнѣю петербургской дамы, химики являются въ российскихъ провинциальныхъ городахъ единственными специалистами по установлению лицъ, коимъ благодарные граждане воздвигли монументы.

Въ жизни Льва Николаевича Толстого былъ одинъ такой эпизодъ, который свидѣтельствуетъ, что описанная петербургская дама въ российской дѣйствительности вовсе не представляетъ какого-то уніка.

Кого, напримѣръ, какое учрежденіе должно признать наиболѣе компетентнымъ въ вопросѣ, какія произведения написаны тѣмъ или другимъ корифеемъ русской литературы?

Этотъ вопросъ возникъ 7 января 1862 года въ пресловутомъ третьемъ отдѣленіи.

На Л. Н. Толстого поступили въ третіе отдѣленіе доносъ, въ которомъ московскій жандармскій полковникъ Воейковъ сообщалъ, что въ числѣ преподавателей открытой имъ въ Ясной Полянѣ школѣ находится „задѣшній“ студентъ Алексѣй Соколовъ, состоящий подъ надзоромъ за участіе въ изданіи и распространеніи различныхъ запрещенныхъ антагелигіозныхъ сочиненій“ и что „у Толстого, когда собрались всѣ преподаватели, сказана была рѣчь, въ которой весьма многое было заимствовано изъ Великорусса.“

Третье отдѣленіе начало разслѣдование. Управляющій его генераль-маіоръ А. Л. Потаповъ рѣшилъ изслѣдовать дѣло авово и первымъ вопросомъ поставилъ: что написалъ Л. Н. Толстой?

Собственноручно начертанная на доносѣ резолюція А. Л. Потапова гласитъ слѣдующее. Приводимъ ее съ соблюдениемъ всѣхъ орфографическихъ особенностей:

Зубной врачъ, выдернувъ пациентку два больныхъ зуба:

— Не согласитесь ли вы вырвать и третій? Это былъ бы у меня по счету тысячный.
„Flieg. Bl.“

С. В. Перловъ.

Скончался 13 декабря, въ 4 ч. дня.

„Кажется, Графъ Левъ Николаевичъ Авторъ: „Юношество и Дѣтство,“ Воспоминаніе о Севастополѣ и проч. Спросить объ этомъ у Полк. Муратова.“

Кто же былъ этотъ „полковникъ Муратовъ“, который явился специалистомъ по библиографической части?

Кто, въ самомъ дѣлѣ, является вполнѣ компетентнымъ указателемъ, что и когда издалъ въ свѣтѣ авторъ?

Главное управление цензуры?

— Нѣть.

Министерство народного просвѣщенія?

— Нѣть.

Академія наукъ?

Тоже нѣть.

Въ этомъ вопросѣ компетентнымъ учрежденіемъ является только... округъ корпуса жандармовъ, въ предѣлахъ которыхъ проживаетъ дан cantor писатель.

Полковникъ Муратовъ въ то время занималъ должность штаб-офицера корпуса жандармовъ, находящагося въ Тульской губерніи.

„Жандармъ все знаетъ,“ — пользуясь логикой петербургской дамы, рѣшилъ генераль Потаповъ, и „секретъ“ предложилъ ему отвѣтить, какія произведения написаны Л. Н. Толстымъ—Юность и дѣтство (sic) дѣятелю ли они написаны имъ, или только кажется. По крайней мѣрѣ, самъ управляющій третьимъ отдѣленіемъ генераль Потаповъ, вершавшій судьбы многихъ и многихъ русскихъ литераторовъ, въ то же числѣ и судьбу Л. Н. Толстого, положа руку на сердце,—хотя и въ секретной бумагѣ,—сознается, что ему только кажется, что гр. Л. Н. Тол-

стой будто бы написалъ „Юность и дѣтство,“ „Воспоминаніе о Севастополѣ“ и что-то „прочее.“

СМЪСЬ.

Двадцать лѣтъ безъ сна

Недавно въ Соединенныхъ штатахъ умеръ бывшій начальникъ полиціи города Гакетстоуна (штатъ Ньюджерсей) Аленко Уайръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ интересовавшій медицинскій міръ... Уайръ цѣлыхъ двадцать лѣтъ страдалъ безсонницей. По его показанію, онъ въ буквальномъ смыслѣ слова за все это время не зналъ ни минуты сна. Недугъ Уайра начался послѣ того, какъ его коснулся ударъ молніи. Долгое время послѣ этого онъ страдалъ глухотою, отъ которой, однако, ему удалось вылечиться. Но затѣмъ глухоту смѣнила безсонница. Цѣлые ночи подрядъ Уайръ бодрствовалъ, а днемъ ложился на нѣкоторое время въ постель, чтобы хоть полежать съ закрытыми глазами. Не будучи уже въ состояніи нести полицейскія обязанности, „человѣкъ, лишенный сна“, принялъ предложеніе мѣстной желѣзодорожной компаніи нести постоянное ночное дежурство на главной станціи. Самое замѣчательное, это—то, что общему состоянію больного безсонница, повидимому, не вредила. Во время послѣдней болѣзни Уайръ также не зналъ сна, но смерть его, по удостовѣренію врачей, была вызвана причинами, съ безсонницей не имѣющими ничего общаго.

— Вы, баронъ, постоянно въ костюмѣ авіатора. Вѣроятно, вы много летаете?

— Нисколько! Но надо же поощрять новый спортъ.
„Flieg. Bl.“